

ОДИССЕЙ

2012

Предательство:
опыт исторического анализа

История в средневековой
арабо-мусульманской системе знаний

Крещение детей и монстров
в средневековой Скандинавии

А. Н. Савин:
неизвестная жизнь известного историка

НАУКА

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Ю.Е. АРНАУТОВА (зам. главного редактора), Л.М. БАТКИН,
Г.В. БОНДАРЕНКО, А.Б. ГЕРШТЕЙН (ответственный секретарь),
И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА,
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА, Л.П. РЕПИНА, А.В. ТОЛСТИКОВ,
П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, В. ВЖОЗЕК, Н. ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч.Вс. ИВАНОВ, Ж. Ле ГОФФ, С.В. ОБОЛЕНСКАЯ,
Ж.-К. ШМИТТ, О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук М.В. ДМИТРИЕВ,
доктор исторических наук С.К. ЦАТУРОВА

ISBN 978-5-02-038028-8 © Институт всеобщей истории РАН, 2012
© Лучицкая С.И., составление, 2012
© Коллектив авторов, 2012
© Российская академия наук и издательство
“Наука”, продолжающееся издание
“Одиссей. Человек в истории”
(разработка, оформление), 1989
(год основания), 2012
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство “Наука”, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДАТЕЛЬСТВО: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

<i>К.А. Левинсон</i> ПРЕДИСЛОВИЕ	5
<i>С.И. Лучицкая</i> ПРЕДАТЕЛЬСТВО И ИЗМЕНА В <i>CHANSONS DE GESTE</i> XII–XIII ВВ. .	10
<i>А.Б. Герштейн</i> КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ФРИДРИХА II: ПРЕДАТЕЛЬСТВО КРЕСТОНОСНОЙ ИДЕИ?	45
<i>Р.О. Шляхтин</i> ПРЕДАТЕЛЬСТВО НА ПОНТЕ: ИЗМЕННИКИ, РЕНЕГАТЫ И ПЕРЕБЕЖЧИКИ В ВИЗАНТИЙСКО-СЕЛЬДЖУКСКОМ ВОЕННОМ КОНФЛИКТЕ (1170–1204 годы)	74
<i>О.И. Тогоева</i> РЫЖИЙ ЛЕВША: ТЕМА ПРЕДАТЕЛЬСТВА ИУДЫ В СРЕДНЕ- ВЕКОВОМ ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ	98
<i>Е.Д. Браун</i> РИЧАРД III И “ПРИНЦЫ В ТАУЭРЕ”: РОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ	113
<i>О.В. Окунева</i> ПРЕДАТЕЛИ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО ВО ФРАНЦУЗСКОЙ БРАЗИЛИИ XVI – НАЧАЛА XVII в.	139
<i>Л.А. Пименова</i> КОГДА КОРОЛЬ СТАНОВИТСЯ ПРЕДАТЕЛЕМ	167
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ	
<i>В.А. Кузнецов</i> ЖИЗНЬ ДО РОЖДЕНИЯ: ИСТОРИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРАБО- МУСУЛЬМАНСКОЙ СИСТЕМЕ ЗНАНИЙ	184
ИСТОРИК И ВРЕМЯ	
<i>А.В. Шарова</i> АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ САВИН: НЕИЗВЕСТНАЯ ЖИЗНЬ ИЗВЕСТНОГО ИСТОРИКА	212

<i>Г. Альгази</i>	
ОТТО БРУННЕР – “КОНКРЕТНЫЙ ПОРЯДОК” И ЯЗЫК ВРЕМЕНИ	244

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ

<i>Ю.Ф. Игина</i>	
МЕМОРИА ЛЖЕДМИТРИЯ I КАК СПОСОБ ЛЕГИТИМАЦИИ И МАНИФЕСТАЦИИ ЕГО ВЛАСТИ	280

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК

<i>К.А. Левинсон</i>	
“ВРАЖДУЮЩИЕ ШКОЛЫ ПО ПРИРОДЕ СВОЕЙ – БОЕВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ”: ИЗ ИСТОРИИ СТЕНОГРАФИИ В ГЕРМАНИИ	322

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

<i>А.В. Бусыгин</i>	
МЕЖДУ КАНОНИЧЕСКИМ ПРАВОМ И ЦЕРКОВНЫМ ФОЛЬКЛОРОМ: КРЕЩЕНИЕ ДЕТЕЙ И МОНСТРОВ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СКАНДИНАВИИ	362
<i>М.Ю. Зенченко</i>	
ДИНАСТИЧЕСКИЙ КРИЗИС ВЕСНЫ 1682 ГОДА: СОБЫТИЕ И ЕГО ВЕРСИИ	384

РОССИЯ: QUO VADIS?

<i>Б.В. Дубин</i>	
МАНИФЕСТАЦИИ ПУБЛИЧНОГО НЕДОВОЛЬСТВА В МОСКВЕ 2011–2012 гг. : ТОЧКА СДВИГА ИЛИ ЛИНИЯ ПЕРЕЛОМА?	428

ИСТОРИЯ И МИФОЛОГИЯ

<i>Г.В. Бондаренко</i>	
КУ РОИ И СВЯТОГОР: ВАРИАЦИИ ХТОНИЧЕСКОГО СЮЖЕТА	448

РЕЦЕНЗИИ

<i>М.Н. Соколов</i>	
ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТА И ПРОСТРАНСТВО ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ: СОЗВУЧИЯ И ДИССОНАНСЫ	
<i>А.М. Лидов.</i> Иеротопия: Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М., 2009	464
<i>Т.М. Васильева</i>	
GESAMTKUNSTWRACK, ИЛИ О НОВОЙ КНИГЕ А.М. ЛИДОВА ...	474
<i>А.Б. Герштейн</i>	
СОХРАНЯЯ ПРАВО: “ВАРВАРСКАЯ ПРАВДА” МЕЖДУ РИМСКОЙ ТРАДИЦИЕЙ И ЦЕРКОВНЫМИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛАМИ	

Вестготская правда: (Книга приговоров): [Латинский текст. Перевод. Исследование] / Отв. ред. О.В. Ауров, А.В. Марей. М., 2012	481
НАШИ ЮБИЛЯРЫ	
Л.М. БАТКИНУ 80 ЛЕТ	489
IN MEMORIAM	
ГЕОРГИЙ СТЕПАНОВИЧ КНАБЕ (20 августа 1920–30 ноября 2011)	491
ПАМЯТИ СВЕТЛАНЫ ВАЛЕРИАНОВНЫ ОБОЛЕНСКОЙ (12.04.1925–26.10.2012)	494
ХРОНИКА	
<i>Н.Ф. Сокольская</i>	
МИГРАЦИЯ И ИММИГРАНТЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ПРОБЛЕМА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ	497
SUMMARIES	502

CONTENTS

TREASON: A HORIZON OF HISTORICAL EXPERIENCE

<i>K.A. Levinson</i>	
INTRODUCTION	5
<i>S.I. Luchitskaya</i>	
TREASON AND BETRAYAL IN TWELFTH AND THIRTEENTH CENTURY CHANSONS DE GESTE	10
<i>A.B. Gerstein</i>	
THE CRUSADE OF FREDERICK II: BETRAYAL OF THE CRUSADE IDEA	45
<i>R.O. Shliahtin</i>	
TREASON IN PONTUS: TRAITORS, RENEGADES AND DEFECTORS IN THE BYZANTINE-SELJUK MILITARY CONFLICT (1170–1204)	74
<i>O.I. Togoieva</i>	
RED-HAIRED AND LEFT-HANDED: JUDAS' BETRAYAL IN THE MEDIÉVAL LEGAL DISCOURSE	98
<i>E.D. Braun</i>	
RICHARD III AND 'THE PRINCES IN THE TOWER': THE BIRTH OF A LEGEND	113
<i>O.V. Okuneva</i>	
TREASON AND TRAITORS IN FRENCH BRAZILE DURING THE SIXTEENTH AND TE BEGINNING SEVENTEENTH CENTURY	139
<i>L.A. Pimenova</i>	
HOW THE KING BECOMES A TRAITOR	167

PROBLEMS OF HISTORICAL KNOWLEDGE

<i>V.A. Kuznetsov</i>	
LIFE BEFORE BIRTH: HISTORY IN THE MEDIÉVAL ARABO- MUSLIM SYSTEM OF KNOWLEDGE	184

HISTORIAN AND TIME

<i>A.V. Sharova</i>	
ALEXANDER SAVIN: THE UNKNOWN LIFE OF THE FAMOUS HISTORIAN	212

G. Algazi

OTTO BRUNNER: 'CONCRETE ORDER' AND THE DISCOURSE OF THE TIMES	244
--	-----

HISTORY AND MEMORY

Yu.F. Igina

MEMORIA OF FALSE-DIMITRIY I AS A MODE OF POWER LEGITIMATION	280
--	-----

HISTORY OF EVERYDAY PRACTICES

K.A. Levinson

"THE HOSTILE SCHOOLS ARE COMBAT ORGANIZATIONS BY NATURE": TOWARDS THE HISTORY OF SHORTHAND IN GERMANY	322
---	-----

PROBLEMS OF SOCIAL HISTORY

A.V. Busygin

BETWEEN CANON LAW AND CHURCH FOLKLORE BAPTISM OF CHILDREN AND MONSTERS IN MEDIEVAL SCANDINAVIA	362
---	-----

M.Yu. Zenchenko

MOSCOW DYNASTICAL CRISIS IN SPRING 1682: AN EVENT AND ITS VERSIONS	384
---	-----

RUSSIS: QUO VADIS?

B.V. Dubin

MANIFESTATIONS OF SOCIAL UNREST OF MUSCOVITES IN 2011/2012: TURNING POINT OR CHAIN OF CHANGES?	428
---	-----

HISTORY AND MYTHOLOGY

G.V. Bondarenko

CÚ ROÍ AND SVYATOGOR: A STUDY IN CHTHONIC	448
---	-----

BOOK REVIEWS

M.N. Sokolov

THE SPACE OF CULT AND THE SPACE OF ART STUDIES:
CONSONANCES AND DISSONANCES

<i>M.A. Lidov</i> . Hierotopy: Spatial Icons and Images-Paradigms in Byzantine Culture. Moscow, 2009	464
---	-----

T.M. Vasilieva

GESAMTKUNSTWRACK, OR ABOUT A NEW BOOK OF
A.M. LIDOV 474

A.B. Gerstein

KEEPING THE LAW: BETWEEN ROMAN TRADITION AND
CHRISTIAN CHURCH 481

ANNIVERSARIES

The 80th anniversary of Leonid Mikhailovich BATKIN 489

IN MEMORIAM

GEORGII STEPANOVICH KNABE (1920–2011) 491

S.U. BOLENSKAYA (12.04.1925–26.10.2012) 494

CHRONICLE

N.F. Sokolskaya

MIGRATIONS IN THE MIDDLE AGES. CROSS-CULTURAL
APPROACHES TO THE PROBLEM: (Chronicle of conference) 497

SUMMARIES 502

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

А.В. Шарова*

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ САВИН: НЕИЗВЕСТНАЯ ЖИЗНЬ ИЗВЕСТНОГО ИСТОРИКА

УДК 929(092).94

На основе новых архивных материалов в статье воссоздается биография историка А.Н. Савина (1873–1923), рассматриваются его общественно-политические взгляды и участие в жизни Московского университета. Анализируется восприятие ученым событий академической отставки 1911 г., его представление о долге и чести профессора, отношение к политике государства в сфере образования. Внимание уделяется поведенческим стратегиям московской профессуры в начале XX века.

Ключевые слова: А.Н. Савин, Московский университет, П.Г. Виноградов, отставка, историк, С.А. Котляревский, Р.Ю. Виппер, Д.М. Петрушевский.

Key words: A. Savin, Moscow university, P. Vinogradov, resignation, historian, S. Kotlyrevskiy, R. Vipper, D. Petrushevskiy.

В отечественной историографии до сих пор есть фигуры, чье научное наследие оценивается высоко, тогда как личность такого человека остается вне сферы интереса исследователей. Причин этого может быть много: и недостаточное количество источников, и долгий период забвения имени историка по политическим мотивам¹, и созданный традицией образ “кабинетного” ученого, неяркий, а потому и неинтересный для исследователей. Это последнее обстоятельство и стало, вероятно, определяющим в отношении нашего героя, Александра Николаевича Савина, профессора Московского университета, представителя замечательной русской

---

* В статье использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 11-01-0116, реализованного в рамках Программы “Научный фонд НИУ ВШЭ” в 2012–2013 гг.”. Использованы также результаты проекта “Восток и Запад Европы в Средние века и раннее Новое время: общее историко-культурное пространство, региональное своеобразие и динамика взаимодействия”, выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г.

аграрной школы. Труды его хорошо знакомы специалистам по истории Англии, но личность этого человека так и остается в тени своих более ярких учителей и современников – П.Г. Виноградова, Д.М. Петрушевского, Н.И. Кареева и других. А ведь именно о нем говорили как о “сверх-ученом” молодом человеке еще в студенческие годы, энциклопедизм его знаний восхищал не только историков, но и социологов, и экономистов. А.Н. Савин скончался в Лондоне в январе 1923 г. и был похоронен на кладбище Kensal Green². Было ему на тот момент всего 49 лет. Коллеги и ученики почтили память ушедшего историка на совместном заседании факультета общественных наук, Исторического общества и Исторического института РАНИОН 11 марта 1923 г. Спустя несколько лет вышел в свет сборник научных статей и воспоминаний об ученом³. В 1923 г. на смерть Александра Николаевича отозвались и такие его коллеги, как Н.И. Кареев, Д.Н. Егоров и Ю.В. Готье⁴, но их статьи в сборник не вошли. Как, впрочем, и любопытный некролог, написанный М.Н. Покровским⁵. Именно в этот момент и была заложена та “легенда” о личности А.Н. Савина, которая продолжает существовать и поныне. Легенда о замечательном коллеге, преподавателе и учителе, далеком от политики, типичном “кабинетном ученом”. Ученик А.Н. Савина, Е.А. Косминский, был одним из тех, кто фактически заложил эту традицию, написав следующие слова: “История не была для Савина башней, на которую он удалялся от действительности. Прошлое и настоящее сливалось у него в живое единство; к настоящему он подходил с острым аналитическим взглядом историка; в прошлом он отмечал живые корни настоящего (...) Но, зорко проникая в жизнь, он не был захвачен ее водоворотом. Он оставался все тем же скептиком и аналитиком, исследователем и ученым”⁶. Для советской России середины 1920-х годов, только что пережившей эпопеи с насильственной эмиграцией выдающихся деятелей науки и культуры, с гонениями на правые политические партии и процессами левых эсеров, излишне нейтральный тон воспоминаний об историке был вполне понятен. Никто не упомянул о симпатиях А.Н. Савина по отношению к кадетству, не обмолвился ни словом о его активной общественно-политической позиции в качестве автора статей таких изданий как “Русские ведомости” и “Московский вестник”. Наконец, даже в качестве профессора Московского университета и, позднее, Института красной профессуры, деятельность А.Н. Савина выглядела исключительно лояльной и далекой от реальной политики.

Вероятно, в том числе и благодаря такому созданному образу, в советский период имя историка не подвергалось остракизму, его традиционно называли в официальных докладах в качестве достойного представителя “русской аграрной школы” историков⁷. “Лекции по истории английской революции” А.Н. Савина переиздавались в 1924 и даже в 1937 гг., а курс лекций “Век Людовика XIV” вышел в свет в 1930 г. В декабре 1943 г. состоялось специальное заседание Отделения истории и философии АН СССР, посвященное памяти ученого⁸. О “буржуазном объективизме” исследователя заговорили значительно позднее, в конце 1940-х годов, в рамках критики старшего поколения советских историков, в том числе медиевистов⁹. В эти же годы была защищена кандидатская диссертация, в которой вполне в духе времени критиковались работы А.Н. Савина, его философский позитивизм и кадетские симпатии¹⁰. Это было первое исследование, автор которого обратилась к материалам фонда историка в Отделе рукописей РГБ, хотя использовались они весьма фрагментарно. В дальнейшем авторы, писавшие об А.Н. Савине, преимущественно анализировали его научные труды, концепции аграрного строя Англии XVI и XVII вв., характеристики ее социальной структуры, специфику деятельности английских судебных учреждений, оставляя обычно за кадром собственно личность историка или же вскользь намечая штрихи его скромного портрета, а больше повторяя уже сложившиеся стереотипы¹¹. До самого последнего времени историк оставался в восприятии большинства исследователей тем “скептиком и аналитиком”, который “не был захвачен водоворотом” жизни¹².

Поэтому задача данной статьи состоит прежде всего в том, чтобы на материале ранее не использованных источников показать особенность мировосприятия А.Н. Савина, его участие в общественно-политической жизни университета и страны в начале XX в. (до Октябрьской революции 1917 г.). Основными источниками стали его дневниковые записи¹³, по большей части посвященные жизни Московского университета с 1908 по 1917 г., стихотворения и небольшой комплекс эпистолярных источников, а также воспоминания его коллег и современников, статьи историка в периодических изданиях. Мы сознательно оставим за границами данного повествования анализ всего научного наследия А.Н. Савина, поскольку эта тема требует объемного и всестороннего исследования, для которого рамки данной статьи могут быть слишком узки.

Александр был старшим сыном в многодетной семье Николая Савина¹⁴ и Крискентии Павловой. Отец работал старшим фельдшером¹⁵ на писчебумажной фабрике компании Говарда в селе Кондрове Медынского уезда Калужской губернии. Фабрика эта имела давнюю историю и считалась одним из наиболее крупных местных предприятий. Впоследствии по стопам отца пойдет один из братьев А.Н. Савина, который станет врачом, закончив также Московский университет.

Александр Савин блестяще закончил Калужскую гимназию в 1891 г., и там еще долго ходили легенды о “феноменальном ученике”. В 1899 г. их слышал другой выпускник этой гимназии, а затем и коллега А.Н. Савина по университету и ученому поприщу, Д.Н. Егоров¹⁶. По окончании гимназии А.Н. Савин поступил в Московский университет на историко-филологический факультет. Однокурсникам он запомнился таким: “среднего роста, немного сутулый, бледный, с характерным, необычного типа лицом, в котором прежде всего обращал внимание высокий открытый лоб; он носил очки, и была сразу видна его сильная близорукость”. Он быстро выделился своим серьезным отношением к учебе, осознанным интересом к исторической науке. Юноша Савин казался сдержанным и замкнутым, “не искал популярности среди своих товарищей и едва ли интересовался их мнением о себе; он держался скорее особняком и многие его считали нелюдимым”. Но проходило время и выяснилось, что скромный калужанин на самом деле – “чуткий, полный внутреннего достоинства человек, которого сдерживала во внешних проявлениях врожденная застенчивость и постоянное недоверие к самому себе”¹⁷. Впрочем, москвич Ю.В. Готье, однокурсник А.Н. Савина, оставивший воспоминания об их студенческих годах, честно заметил, что не был в курсе того, насколько этот ученый юноша был “близок к своим землякам – калужанам”.

Студенческие землячества были весьма важными объединениями в российских университетах, они нередко становились первичными ячейками общественно-политической жизни. В Московском университете были как организационно оформленные землячества, так и существовавшие помимо официальных объединений. Немаловажное обстоятельство заключалось в том, что студенты в таких землячествах обычно знали друг друга еще с гимназических времен и могли друг другу доверять. “Во вне эти объединения имели только благотворительные цели, и большинство членов во все остальные, нелегальные, задачи и не

посвящались”, – признавался один из современных А.Н. Савину студентов екатеринославского землячества¹⁸ Московского университета, лютеранин немецких кровей, Ф.А. Шлиппе. Человек состоятельный и настроенный промонархически, он с большим недовольством констатировал, что его двоюродный брат, Дмитрий Дмитриевич Гончаров (“младший”), увлекся “левыми” идеями и политической борьбой. Дмитрий Гончаров был наследником большого состояния и, прежде всего, владельцем третьей писчебумажной фабрики в Медынском уезде – в селе Полотняный завод. Он поступил в университет в 1893 г. и, оказавшись в калужском землячестве, “попал под влияние левых товарищей, особенно братьев Савиных, и все глубже и глубже уходил в активную работу”¹⁹. Дмитрий Гончаров впоследствии не только ввел на своей фабрике восьмичасовой рабочий день и выплату пенсий престарелым рабочим, но и, будучи искренним любителем искусства, организовал в своем имени любительский театр.

Таким образом, рискнем предположить, что в период студенчества А.Н. Савин придерживался достаточно прогрессивных воззрений, так что они показались откровенно “левыми” убежденному монархисту. Интерес к социалистическим идеям в различном их проявлении историк сохранил и в последующие годы. Во время командировки в Англию в 1901–1902 гг. Савин регулярно посещал дискуссионные клубы и собрания, в частности, знаменитого “Фабрианского общества”, в составе которого были Сидней и Беатрис Вебб, Б. Шоу и другие деятели²⁰. Младший из братьев, Иван Савин, закончивший калужскую гимназию в 1900 г.²¹, стал одним из участников студенческого движения, был не только исключен из Московского университета в 1902 г., но и оказался под арестом. За Ванечку Савина отчаянно хлопотала, используя все свои связи, московская знаменитость – музыкант Елена Фабиановна Гнесина²². К этому времени старшая из сестер Гнесиных, Евгения, уже была супругой Александра Николаевича Савина.

Трудно сказать теперь, не имея достоверных данных на этот счет, когда и при каких обстоятельствах произошло их знакомство, но можно предположить, что калужские контакты и здесь оказались не бесполезны. Дело в том, что сестры Гнесины, организовавшие в 1895 г. Музыкальное училище в Москве, много выступали на благотворительных концертах. Возможно, именно там и произошло знакомство Александра Савина и Евгении Гнесиной. Так или иначе, и А.Н. Савин, и сестры Гнесины, были хорошо знакомы с упоминавшимся уже Д.Д. Гончаровым. Достоверно

известно, что знакомство Елены Гнесиной с Дмитрием Гончаровым произошло на концерте, данном в пользу одного из землячеств²³. Знакомство переросло в дружбу. А ведь именно у него в имении Полотняный завод в 1898 г. ожидал приговора будущий комиссар советского правительства А.В. Луначарский, считавший Дмитрия Гончарова “дорогим товарищем”. Он вспоминал, что Полотняный завод того времени был похож на “маленькие Афины: концерты, оперные спектакли, литературные вечера чередовались там, принимая зачастую весьма оригинальный и привлекательный характер”²⁴. При содействии Гончаровых с А.В. Луначарским познакомилась и Елена Гнесина, сумевшая впоследствии при его поддержке сохранить музыкальное училище, благополучно пережив его национализацию в 1920 г. Елена Гнесина не одно лето гостила в Полотняном заводе, выступая там перед взыскательной публикой. Она впоследствии вспоминала: “Будучи по убеждениям социал-демократом, Гончаров собирал у себя и революционеров, иногда давал длительный приют в своем большом доме тем из них, которые подвергались гонениям полиции. Некоторые из них, с которыми я там встречалась, стали видными политическими деятелями. Среди них был будущий народный комиссар по просвещению, А.В. Луначарский”²⁵.

Отметим, что настроения в семье Савиных и Гнесиных были схожи. В 1905 г. братья Гнесины, Григорий и Михаил, стали активными участниками студенческого движения в Петербурге. Особенно отличился Григорий, учившийся в Технологическом институте, который за революционную деятельность был исключен из учебного заведения, арестован и выслан из города²⁶. В Москве в это время, если судить по воспоминаниям Елены Гнесиной, в училище находили убежище от полиции такие же активные демонстранты.

Александр Савин и Евгения Гнесина обвенчались 25 апреля 1901 г. в Лондоне, где магистрант Савин находился в командировке и собирал материалы для диссертации²⁷.

Среди близких друзей семейства Гнесиных были С.В. Рахманинов и А.И. Скрябин, К.С. Станиславский и В.И. Качалов. Евгения Фабиановна преподавала теоретические предметы в Кружке любителей музыки и искусства, которым руководил К.С. Станиславский. Таким образом, в круг общения этой музыкальной семьи входили наиболее известные деятели музыки и театра конца XIX – начала XX в., а с появлением в доме Александра Савина, здесь стали собираться и профессора Московского университета.

“У нас нередко устраивались собрания, – писала Елена Гнесина, – в которых принимали участие такие ученые-историки, как Покровский, Кизеветтер, Петрушевский, Виппер, знаменитый историк Ключевский и академик Виноградов. Позже в этих собраниях стали принимать участие и ученики Савина”²⁸. Дом Гнесиных на Собачьей площадке, где жил с женой и А.Н. Савин, “с его небольшим, загроможденным, но все же respectable кабинетом”, стал местом “встречи людей и мнений”. Д.Н. Егоров вспоминал, что историк “любил и ценил” такие собрания: «тонкий и опасный спорщик, он обладал редким умением “выслушивать” противника, принимать его всегда всерьез, и бывали случаи, что он рыцарски приходил на помощь даже видному оппоненту, формулируя за него возможные возражения»²⁹. Об удивительном сочетании атмосферы музыкальной и научной культуры говорил и М.Н. Покровский на 30-летию училища, которому в 1925 г. было присвоено имя Гнесиных: “Для меня ваша школа – живой символ редкого, но по существу естественного и в высокой степени желательного союза науки и искусства. Другими словами, представление о ней у меня неразрывно связывается с образом незабвенного Александра Николаевича, научные успехи которого сердечно радовали его старших друзей”³⁰.

Александр Савин органично вошел в музыкальное сообщество Гнесиных, поскольку сам обладал тонким художественным вкусом и был не лишен литературного дарования. По его рецензиям и документам личного характера заметно, как он старательно подбирал слова, наиболее точно передававшие его мысли и ощущения. Оказавшись в командировке в Англии, он с большим интересом отнесся равно и к ее музыкальной и театральной жизни. В течение нескольких десятилетий он писал и стихи, по большей части “в стол”³¹. Впрочем, близким друзьям и коллегам о его увлечении было хорошо известно, потому что с годами историк стал иногда зачитывать их и на публичных собраниях.

Следует отметить, что несмотря на внешнюю замкнутость и образ исключительно занятого наукой человека, вокруг А.Н. Савина со студенческих лет было немало добрых знакомых и друзей, искренне восхищавшихся как его научными талантами, так и высоко ценивших его душевную чуткость и теплоту. Он сохранял добрые дружеские отношения со многими из своих однокурсников, в частности, с С.А. Котляревским и Ю.В. Готье. Историк находил общий язык с такими сложными характерами как Д.М. Петрушевский и П.Г. Виноградов, В.И. Герье и Р.Ю. Виппер,

а молодое поколение учеников ценило его заботу и постоянное участие (Е.А. Косминский, В.М. Лавровский, С.Д. Сказкин, С.В. Фрязинов)³².

Общественно-политические и научные взгляды юного историка формировались под влиянием одной из наиболее ярких на тот момент фигур Московского университета – П.Г. Виноградова. Явно увлеченный лекциями профессора на первом курсе по истории Древней Греции и Средних веков, А.Н. Савин вместе с другими студентами стал посещать и его семинарий по греческой истории на втором курсе. Как вспоминал впоследствии участник этого кружка Ю.В. Готье, “сама необязательность этих занятий возбуждала наше рвение и интерес”³³. Затем студенты также прослушали семинарий по Средневековью и уже на четвертом курсе стали работать по обязательной программе, изучая “Афинскую политику” Аристотеля³⁴. Одним из наиболее деятельных участников семинаров П.Г. Виноградова был Александр Савин, получивший золотую медаль за объявленное учителем сочинение об Ассизах Иерусалимского королевства. На четвертом же курсе произошло событие, оказавшее большое влияние не только на “ученое мировоззрение” студентов. С ноября 1894 г. начал собираться настоящий “ученый кружок”, объединивший преподавателей и студентов. Из числа приват-доцентов университета там заметную роль играли П.Г. Виноградов, П.Н. Милюков и С.Н. Трубецкой³⁵. Разные по мировоззрению и научным интересам, они в середине 90-х годов XIX в. олицетворяли прогрессивные силы Московского университета. Возможно, что именно общение с этими историками и философами, в частности, с С.Н. Трубецким, оказало непосредственное влияние на процесс поиска А.Н. Савиным своего философского и этического кредо.

О влиянии П.Г. Виноградова на формирование научных интересов А.Н. Савина писалось неоднократно. Во введении к магистерской работе “Английская деревня в эпоху Тюдоров” (1903) историк счел необходимым отметить, что «всего более обязан своему учителю, проф. П.Г. Виноградову. Его московские семинарии, живые в памяти всех слушателей и особенно дорогие активным участникам, были моею историческою школой; его “Вилланство в Англии” остается для меня образцом точного и широкого исторического исследования; его личное внимание и содействие во многом облегчило мне первые шаги на английской почве»³⁶. Принадлежа к научной школе П.Г. Виноградова, Савин и многие свои поступки, и размышления о текущей политической

ситуации сверял с позицией учителя. Будучи далеко не во всем согласен с его оценками и действиями, он, тем не менее, считался с ними.

Размышления С.Н. Трубецкого, принимавшего участие в “московском кружке философов” вместе с Вл. Соловьевым и Л.М. Лопатиным, заставляли задумываться о соотношении веры и разума, о возможности преодоления разрыва между рационализмом, эмпиризмом и мистицизмом³⁷, т.е. способствовали развитию у А.Н. Савина интереса к проблемам познания и философии науки, отвечали актуальным на тот момент в русском обществе размышлениям о нравственных добродетелях человека и его деятельности. Эти идеи оказались отражены в неизданном философском сочинении историка “О законности и возможности нравственного удовлетворения”, который он закончил в 1898 г. В этот же год в печати появился первый его научный труд, точнее, перевод знаменитого сочинения Д. Локка “Опыт о человеческом разуме”.

В сфере университетской жизни интерес исследователя к этим проблемам был тем более заметен, поскольку историк был частым гостем на научных диспутах по философии и юриспруденции. По предложению Л.М. Лопатина и ряда других ученых, в октябре 1899 г. А.Н. Савин был избран в действительные члены Психологического общества при Московском университете³⁸. Это было сообщество, в которое входили выдающиеся русские философы – Н.Я. Грот, Л.М. Лопатин, Вл. Соловьев, Г.Г. Шпет, И.А. Ильин, поскольку психология еще существовала как составная часть философии. Общество издавало журнал “Вопросы философии и психологии”, регулярно проводило научные диспуты в помещении Московского университета. А.Н. Савин присутствовал на некоторых из них.

А.Н. Савин считался среди коллег “чудом” осведомленности, не только в “своей” области, не только в “истории вообще”, включая и русскую – традиционного деления он никогда не признавал, – но и в экономике (специалисты долго помнили его разработку трудов И. Тюнена³⁹ для магистерского экзамена), философии, социологии⁴⁰. Широта его интересов и осведомленности чувствуется как в научных работах, так и в лекционных курсах, в опубликованных рецензиях.

Дебют историка в качестве научного оппонента также прошел не по “исторической части”. Он выступил оппонентом по юридической диссертации К.А. Кузнецова об исторической школе права⁴¹ (вторым оппонентом был С.А. Котляревский). В дневнике

историк записал об этом знаменательном для него дне: “Присутствовавшие на диспуте юристы говорили мне, что я возражал удачно; я себе вовсе не судья, но мне не было стыдно за свой дебют, который странным образом был дан мне не на моем факультете”⁴².

Общение со студенческих лет с представителями знаменитого философского кружка, искания новой религиозности и новой церкви, столь характерные для русского общества начала XX в., не могли не повлиять на его религиозные представления. Великолепный историк, он тонко проникал в суть религиозных проблем и истории религиозных движений. Проблемы истории церкви были Савину интересны не только в отношении Англии XVI–XVII вв.⁴³ Он анализировал процессы, происходившие в Русской православной церкви, и в частности, внимательно прислушивался к разговорам о церковной реформе. А.Н. Савин видел ее как возможность “осуществить выборное начало, по крайней мере, в среде самого клира (чтобы священники выбирали священников, архиереи – архиереев)”⁴⁴. Более того, участвуя в одном из первых заседаний совета факультета, А.Н. Савин имел “длинную беседу” с В.О. Ключевским, в ходе которой затрагивались вопросы как о кандидатуре Александра Николаевича для работы в Московской духовной академии, так и о секуляризации кафедры церковной истории, которая находилась в совместном ведении Синода и Министерства просвещения⁴⁵.

С.Н. Трубецкой для многих современников был не только учителем и замечательным философом. Это была знаковая для московской профессуры фигура, поскольку в 1905 г. он стал первым выборным ректором Московского университета, добивался его автономии и умер, фактически отстаивая право университета на это завоевание. Для А.Н. Савина университетская автономия была не просто идеей, но ценностью, которую надо было всячески защищать, как и сам университет⁴⁶.

После защиты в 1907 г. докторской диссертации по теме “Английская секуляризация” и получения профессорского звания А.Н. Савин обрел также право присутствовать на заседаниях советов университета и факультета. На факультете в ноябре 1907 г. он был избран “всеми против одного”, что отражало отношение некоторых коллег больше к П.Г. Виноградову, чем к его талантливому ученику. Однако дело осложнилось на совете университета. Вопрос о кандидатуре А.Н. Савина, ходатайство об избрании которого на должность экстраординарного профессора было

составлено Р.Ю. Виппером, Д.М. Петрушевским, и поддержано В.О. Ключевским, М.М. Покровским и В.К. Поржезинским, вызвал серьезные дебаты. Некоторые члены совета выразили желание отсрочить баллотировку А.Н. Савина и вместо этого пригласить вернуться в Москву его учителя – П.Г. Виноградова. Однако в итоге этот вопрос удалось успешно разрешить, и баллотировка была проведена⁴⁷. Приказом от 4 февраля 1908 г. Савин был назначен экстраординарным профессором университета, так что 19 февраля в совете университета состоялось его представление. “Ректор встал, приветствуя меня по прочтении трехсловной бу-мажки. За ним поднялись все члены Совета. Я поклонился. Это обычай Совета”⁴⁸. Вступая в это святилище Московского университета, вновь испеченный профессор не преминул записать: “Мое первое впечатление было такое, что на Совете, к которому приват-доценты относятся с ироническим благоговением, ибо это святая святых, куда их в Москве никогда, даже в разгар революций, не пускали, это впечатление было неблагоприятно. Мало торжественности. Я разочаровался ... Плохо слушают, разговаривают друг с другом, иногда голосуют, совершенно не зная о чем идет речь”⁴⁹.

В отличие от большого совета, идти на заседание совета факультета для Савина было “не страшно”, так как “все знакомы”. На таких заседаниях магистры держали экзамены⁵⁰.

Несмотря на понятный пиетет к присутствовавшим на университетском совете профессорам, и свой малый стаж профессорства, А.Н. Савин быстро становится активным участником заседаний, которые регулярно посещает и итоги которых анализирует. 1 сентября 1908 г. он занес в дневник первую запись о таком событии: “Мое первое интересное и важное заседание. Борьба еди-нодушного совета с идущим сверху разрушением университета”. Действительно, на этом заседании принималась резолюция “о невозможности увольнения” профессоров, подписавших в свое время знаменитое Выборгское воззвание. В 1906 г. группа депутатов подписала обращение к народу с призывом в знак протеста против роспуска I Государственной думы проявить гражданское неповиновение – не платить налоги и отказаться от военной службы. К оппозиционерам были применены серьезные меры воздействия, многие оказались подвергнуты аресту, лишены права участия в выборах. В Московском университете опальных “выборжцев” набралось 5 человек (С.А. Муромцев, Г.Ф. Шершеневич, С.А. Котляревский, Ф.Ф. Кокошкин, П.И. Новгородцев). Особенно бли-

зок к А.Н. Савину был Сергей Андреевич Котляревский⁵¹, вместе с которым они учились на историко-филологическом факультете и посещали научный кружок, а потом преподавали в университете. Талантливый ученый, он не только получил степень доктора по всеобщей истории, занимаясь прежде всего проблемами истории католической церкви (сказалось влияние философских идей С.Н. Трубецкого), но и впоследствии защитил магистерскую и докторскую диссертации, получив звание профессора государственного права. Присутствовавший на его докторском диспуте по праву А.Н. Савин восторженно записал: “Удивительный человек: защищает четвертую диссертацию, причем четвертая лучше предыдущих”⁵². С.А. Котляревский был активным участником политической жизни России, кадетом. В 1906 г. он был против Выборгского воззвания, но, тем не менее, ареста не избежал, поскольку присутствовал при его составлении. Весной 1908 г. Уголовный Кассационный Департамент Правительствующего Сената отверг все доводы защиты и утвердил ранее принятое решение, в том числе запрет для осужденных занимать общественные должности. Фактически это грозило профессорам удалением из Императорского университета.

Так что для А.Н. Савина этот вопрос о “выборжцах” был вовсе не умозрительным, поскольку напрямую затрагивал если не его политические пристрастия, то его дружеские чувства. Поэтому на первом в своей практике заседании совета ученый обратился к комиссии, составлявшей проект ответа для министерства. Савин предлагал указать, что историко-филологический факультет особенно пострадает от “ухода” этих специалистов. Более того, после зачитывания самого текста он выступил и “сказал несколько слов в разъяснение того, что Котляревский и Муромцев важны для нашего факультета”⁵³.

Как свой первый “парламентский успех” оценил историк подготовленный советом факультета ответ на запрос из Министерства просвещения о количестве вспомогательных преподавателей, которое может быть на факультете. При этом совету не было разрешено обсуждать вопрос о количестве профессорских ставок, что делало обсуждение проблемы численности вспомогательных преподавателей совершенно бессмысленным. После выступления А.Н. Савина ответ был один: “при неведомости устава невозможно говорить о числе вспомогательных преподавателей, которых должно быть сообразно с числом основных”, а сама

“возможность отвечать устраняется запретом обсуждать самый важный вопрос – число профессур и доцентур”⁵⁴.

Следует отметить, что если первоначально дневниковые записи историка имели целью прежде всего фиксацию происшедшего непосредственно в университете или связанного с ним, то скоро историк взялся привычно анализировать и оценивать события и явления, свидетелем и участником которых он оказывался. Так, в конце 1908 – начале 1909 г. он более четко зафиксировал свои политические предпочтения, зачислив себя в число “левых” профессоров.

Тонко чувствующий и глубоко порядочный человек, А.Н. Савин с горечью видел, как нередко политические пристрастия и групповые интересы разрушают целостность академического сообщества. Он предпочитал компромисс ожесточенному противостоянию и, пусть не без сомнения, но посещал такие торжества, как юбилей ставшего “правым” В.И. Герье или проводы декана. “Мы, левые, – записывал в дневнике А.Н. Савин по этому поводу, – должны показать свое умение возвыситься над партийностью правых, показать свое моральное превосходство”⁵⁵. Для многих на факультете в этот период Д.М. Петрушевский и А.Н. Савин являлись несомненным олицетворением “кадетства”⁵⁶. Действительно, Д.М. Петрушевский в свое время участвовал в деятельности Академического союза, представляя на его организационных собраниях делегацию от Варшавы, а близкие дружеские отношения А.Н. Савина с наиболее яркими представителями кадетской профессуры, в частности, с С.А. Котляревским и А.А. Кизеветером, ни для кого не были секретом.

На фоне нараставшей реакции и борьбы со студенческим и революционным движением, образ мыслей А.Н. Савина и политические пристрастия его домочадцев подвергались неожиданным испытаниям. Иногда – достаточно анекдотичным. Историк в дневнике записал рассказ о том, как 26 февраля 1909 г. околоточный надзиратель принес ему сверток и соответствующую бумагу “из охранки” с разъяснением, что это его вещи. Считая, что это может быть студенческая работа, ученый вскрыл конверт, чтобы обнаружить там чужую переписку, видимо, изъятую в результате обыска. Он повез это имущество к ректору, который посоветовал написать градоначальнику о произошедшей ошибке. Ведь в охранке не удосужились проверить ни имя, ни семейное положение ученого. “Авось градоначальник укажет этим господам на их глупость и лень”⁵⁷, – завершил изложение курьеза А.Н. Савин.

Но ошибка ошибкой, а в качестве Савина-политического посчитали именно историка, а не другого его московского однофамильца.

“Левым” настроениям ученого предстояло пережить серьезное испытание – начались студенческие манифестации, занятия были сорваны, автономия университета оказалась под угрозой и со стороны министерства А.Н. Шварца, и студенческой массы. Идея массовой отставки в качестве оружия профессуры, обсуждавшаяся в университетском сообществе, воспринималась А.Н. Савиным скептически, ведь в этом случае замены ушедшим бы не было, а значит, последовал бы “временный разгром русской высшей школы”. Но и для профессора университета такой шаг будет очень болезненным, отмечал в дневнике историк, поскольку несмотря ни на что «профессора работают в высшей школе не только по “буржуазной” тяге к жалованию и гонорару, но и по высоко патриотичным и даже сверхнародным побуждениям»⁵⁸. Так за несколько лет до событий 1911 г. историк уже определил свой выбор – отставка не его путь. Но принять это решение было трудно, равно как и следовать ему, поскольку слишком многие в университетском сообществе, начиная с ректора, видели только в таком отчаянном поступке возможность сказать решительное “нет” разрушению университета и “сверху” и “снизу”. В январе 1910 г. А.Н. Савин отметил, что его учитель П.Г. Виноградов “говорит, что непременно выйдет в отставку”, если будет принят проект нового университетского устава, подготовленного Министерством просвещения⁵⁹. Речь шла о проекте университетского устава, подготовленного А.Н. Шварцем и сокращавшего те университетские автономии, которые были получены в 1905 г.

Однако в январе 1911 г. ситуация в университете обострилась. После студенческих забастовок 1910 г. министр народного просвещения Л.А. Кассо издал циркуляр “О временном недопущении публичных и частных студенческих собраний в стенах высших учебных заведений”, который был принят Советом министров 11 января 1911 г. В соответствии с ним в стенах высших учебных заведений России запрещалось проводить студенческие собрания и митинги. В противном случае на градоначальников возлагалась обязанность с помощью полиции принимать меры для восстановления правопорядка. Таким образом, администрация университета и его совет оказывались перед фактом: в нарушение университетской автономии решение по университетским делам принималось не университетскими органами власти.

В качестве протеста против такого покушения на университетскую автономию в отставку подало руководство в лице ректора А.А. Мануйлова, помощника ректора М.А. Мензбира и проректора П.А. Минакова. Экстренные заседания совета университета шли до поздней ночи. В три часа утра 3 февраля А.Н. Савин, подробно изложив все перипетии прошедшего заседания и отставки, отметил в дневнике: “Это, конечно, самое печальное из моих заседаний, и может быть, даже последнее, ибо при всей моей умеренности, может быть даже я буду вынужден подать прошение об отставке”⁶⁰. Подобные мысли стали для историка еще более актуальными, когда был опубликован Высочайший приказ об увольнении подавших в отставку, а профессора и приват-доценты университета начали массово подавать прошения в поддержку своих товарищей. Среди первых были близкие А.Н. Савину люди – Д.М. Петрушевский и А.А. Кизеветтер. Перед историком стоял сложный нравственный выбор. Поверяя свои раздумья дневнику, он искал логику в действиях других и – оправдание своему не-действию. Поскольку он наравне с другими участвовал в выборах ректора и руководства университета, как член совета одобрил их решение об отставке, то должен был бы их поддержать наравне со всеми. Но как поддержать людей, протестующих подобным образом против фактической отмены университетской автономии? «Я вижу только один путь, – признавался историк, – самому подать прошение об отставке. Но я хорошо знаю, что этот путь, давая удовлетворение нравственному порыву, чувству товарищества, нисколько не поможет, а может быть, даже повредит университету. Пусть 30–40 штатных профессоров выйдут в отставку. На их место сейчас же либо в скором времени назначат из провинции либо из числа приват-доцентов, людей в духе “чего изволите” или прямых реакционеров». А так как, по мнению историка, такие профессора по своим “учено-педагогическим капиталам” уступают прогрессивной профессуре, то “уровень учено-педагогической жизни” в университете непременно понизится. “Это пустяки в сравнении с вечностью и даже с общими судьбами России. Но это очень тяжело для людей, десятки лет живущих жизнью университета”⁶¹, – завершал свои печальные размышления в тот день А.Н. Савин.

В этой ситуации неожиданно для многих именно он стал, если судить по дневниковым записям, тем человеком, кто хладнокровно анализировал происходящее и искал из него приемлемый для университета и факультета выход. При этом А.Н. Савин старался

предотвратить потерю Московским университетом лучшей части профессуры. Однако он оказался и политически наивен, и слишком уверен в порядочности и единстве университетской корпорации.

Описывая собрание совета историко-филологического факультета, состоявшегося вечером 4 февраля, историк заметил, что председатель произнес “малоосмысленную речь”, а один из филологов “пришел прямо-таки пьяный и нескоро утихомирится. Как эта обстановка подходит к трагическому положению!”⁶² А.Н. Савин вынес на голосование сразу два предложения. Во-первых, “просить подавших в отставку подождать”. Он действительно продолжал надеяться, что депутация от университета будет принята министром Л.А. Кассо, и ректору и другим вернут профессорские должности. Тогда это было бы компромиссное решение и для правительства, и для университета. Но историк подчеркивал, что уволенные не смогут вернуться, если их коллеги ради них уйдут в отставку. Подавший в отставку Д.М. Петрушевский с этим предложением своего товарища согласился, равно как и все собравшиеся.

А второе предложение Савина одобрения не получило. Еще бы, ведь он предложил весьма радикальный шаг – чтобы административную ответственность с ректором разделил весь совет университета, который одобрил его прошение об отставке. Профессора решили, что их как членов совета наказывать не за что.

На следующий день “печально было в факультетском совещании, еще грустнее в совете (университета. – А.Ш). Народу немного”. Ученому стало понятно, что былого единства больше нет: медики на совет вообще не явились, а из юристов пришли только трое. “В заседании много даже внешнего беспорядка. Прения вначале бессистемны, иногда говорят несколько человек подряд, старшие члены ходят чуть ли не группами по зале. Вот он, распад университета {...} Людская пыль”⁶³.

А.Н. Савин все больше убеждался в том, что никаких реальных действий предпринято не будет, а еще одно обращение к Министерству просвещения, написанное в более резком тоне, успеха не принесет, став еще одной “пустой бумагой”. А коллеги между тем продолжали подавать в отставку.

На заседании совета университета, куда были приглашены подавшие в отставку, предложение А.Н. Савина повременить с отставкой поддержки с их стороны не встретило. В.И. Вернадский, В.П. Сербский, В.М. Хвостов и другие профессора заявили,

что поскольку отставка есть “дело их совести, их чести и личного достоинства”, то в этих вопросах они не подчинятся даже решению большинства (т.е. совета), если оно будет принято. Однако после состоявшегося бурного обсуждения вдруг выяснилось, что никакого решения все равно принять невозможно, так как нет кворума. Каков же результат? – задавался вопросом А.Н. Савин, заполняя страницы дневника рассказом об этих событиях 6 февраля 1911 г. Ему казалось, что наступит “либо страшный разгром университета, либо позорные для правительства уступки. Я считаю первый вариант более вероятным и непримиримую тактику ошибочной ⟨...⟩. Но сейчас мало верю и в успех примирительной тактики. Если я скоро подам в отставку, то сделаю это исключительно из чувства товарищества, с твердым убеждением в безнадежности университетского положения, хотя конечно мое убеждение еще не достоверность”⁶⁴.

А еще через два дня уже сам А.Н. Савин выступил в защиту позиции подавших в отставку, отказываясь от своего первоначального предложения. Теперь уже он объяснял коллегам в совете факультета, что неэтично просить Д.М. Петрушевского, А.А. Кизеветтера, А.В. Кубицкого и других остаться в вузе до лета, чтобы не срывать учебный процесс. Ведь оказался затронут “вопрос личной чести” этих ученых. В этом случае потребности учебного процесса отходили на второй план.

На заседании совета университета 11 февраля председательствовал уже попечитель Московского учебного округа А.А. Тихомиров. В самом факте его присутствия и настойчивых попытках заставить профессию обратиться к студентам с требованием вернуться в аудитории, ученый увидел стремление “смирить рабские души намеками на связь профессорской фронды с политической смутой”. А.Н. Савин записал в дневнике: “Я считаю это сплетение (университета с политикой. – *А.Ш.*) великим несчастьем для университета и считаю вредным заблуждением мнение некоторых подавших в отставку, что мы возвращаемся к положению 1903–1904 гг. По моему мнению, Россия еще далека от сильного революционного движения, хотя правительственная политика сильно способствует усилению и распространению политического недовольства ⟨...⟩ Я вообще считаю вредною для университета связь между политикой и университетом, я хорошо знаю, что эта связь неизбежна, но неизбежное зло остается злом. И, по моему мнению, долг университетского преподавателя по мере сил ослаблять эту

связь. Вот почему, даже помимо эгоистических побуждений самосохранения, подача прошения об отставке представляется мне теперь вещью далеко не бесспорною: при теперешних обстоятельствах подача прошения несомненно приобрела в глазах правительства привкус политической манифестации, между тем как в глазах большинства подающих профессоров это исполнение нравственного, товарищеского долга, изъявление готовности пострадать вместе с товарищами-профессорами, и только, без всякой политической примеси. Как тяжело жить в этой роковой и безвыходной смуте и путанице!.. Скольким преподавателям разобьет жизнь и расстроит здоровье эта трагедия!”⁶⁵

Колебания историка закончились, он честно признался и в своей слабости, и в правильности первоначальной точки зрения. Ведь он с самого начала в отставку подавать не собирался, а мысли о ней – скорее дань чувству товарищества и той корпоративной этике, которые для историка всегда были составной частью “бытия” ученого в Московском университете. Отставка же по политическим мотивам никогда не была для него привлекательной.

Объясняя окружающим и самому себе правильность своего решения, А.Н. Савин, тем не менее, в дневнике не раз упрекал себя за “малодушие”. Он никак не мог избавиться от чувства вины перед своими ушедшими в отставку коллегами и восстановить чувство самоуважения. В марте 1911 г. на заседании историко-философского факультета Высших женских курсов, где вместе с Савиным преподавали многие из “ушедших”, он чувствовал себя как “почти изменник в глазах подавших (прошение об отставке. – А.Ш.) и даже других”. Те же чувства преследовали его на собраниях преподавателей ВЖК и год спустя⁶⁶.

Летом 1913 г. Савин с семьей Гнесиных отдыхал в имении В.И. Танеева, брата знаменитого композитора, недалеко от Клина. Там же проживал “на дачах” и К.А. Тимирязев, которого историк в своей системе ценностей относил (вместе с П.Г. Виноградовым), к поистине “большим людям”. «Я боялся знакомства с ним, – писал в дневнике А.Н. Савин, – потому что слышал, будто он нетерпим к тем, кого не уважает. А ввиду того, что я принадлежу к “оставшимся”, я имел основания причислять себя к не заслуживающим уважения». Разумеется, опасения историка оказались напрасными, и “после встречи на нейтральной почве” Савина неоднократно любезно принимали в доме Тимирязева. Историк не преминул отметить, что великий ученый “очень

приятен, конечно, знает себе цену и тверд во взглядах, но прост, отнюдь не кичлив, и очень приветлив у себя дома”⁶⁷.

Когда весной 1913 г. известный либеральными взглядами литературовед П.Н. Сакулин занес историку свою новую книгу, А.Н. Савин радостно отметил в дневнике: “Я был этому очень рад: значит, он не считает меня ренегатом”⁶⁸.

Заметным потрясением для историка, если судить по дневниковым записям, стала та легкость, с которой Министерство просвещения пошло на увольнение массы преподавателей старейшего университета страны. Несмотря на весь свой скепсис по отношению к власти, такого массового разгрома Савин явно не ожидал, разделяя в этом мнение многих своих коллег. Другим неприятным открытием для ученого стала и деятельность оставшихся в университете профессоров, которые стали торопливо “приписывать” себе студентов от ушедших в отставку преподавателей, присваивая, тем самым, и полагавшийся им гонорар. Историк видел в этом проявление упадка корпоративной этики, так как “люди распоясываются и готовы предстать перед студентами в чем мать родила. Вот реакции достойные плоды”⁶⁹. Становилось понятным, что нравственных препон не существует, и на освободившиеся места в университете скоро появится немало претендентов. А.Н. Савин вовсе не питал надежды на то, что факультетам разрешат самим заполнить опустевшие должности. Как показало время, он был в этом совершенно прав.

А министерство тем временем торопило университет с замещением мест ушедшей профессуры. Предписание об этом было получено деканами уже 15 марта 1911 г. В эти дни А.Н. Савин опять проявил себя в качестве активного участника университетской жизни, несмотря на “склоки и интриги”, которые не замедлили разгореться. В действиях А.Н. Савина изначально видно было стремление сохранить для Д.М. Петрушевского возможность вернуться на кафедру. Для этого ученый сначала на заседании факультета предлагал в целом определиться с “нуждами” кафедры всеобщей истории, с тем, чтобы решить, нужен ли вообще именно сейчас третий профессор на место уволенного Д.М. Петрушевского. Ведь теперь на кафедре оставались профессорами только двое – сам Савин и Р.Ю. Виппер, и от единства их позиции многое могло зависеть. Так думал А.Н. Савин. К его искреннему недоумению, Р.Ю. Виппер, состоявший в сложных отношениях с Д.М. Петрушевским, сначала вообще не явился на

заседание факультета, а потом и вовсе устранился от обсуждения животрепещущих тем⁷⁰.

Но покорность судьбе была не характерна для А.Н. Савина. Он продолжал бороться. Историком казалось, что придуманная им вместе с и.о. ректора М.К. Любавским и ушедшим в отставку П.И. Новгородцевым схема по защите уволенных коллег, в частности, Д.М. Петрушевского, могла бы сработать. Для этого надо было оставшимся преподавателям принять на себя нагрузку ушедших. Таким образом, их должности удавалось бы оставить незамещенными и оставалось дожидаться “лучших времен”. Но даже такие наивно самоотверженные, но отвечающие представлениям Савина о порядочности и корпоративной этике действия, поддержки большинства не встретили. И первым из их числа оказался, к величайшему огорчению А.Н. Савина, его же коллега по кафедре Р.Ю. Виппер. Он отказался брать на себя дополнительную учебную нагрузку, не посещал заседаний совета факультета и даже не назвал кандидатуру на замещение профессорской должности.

Между тем, историко-филологический факультет все же принял формулировку А.Н. Савина для ответа министерству о замещении кафедр. Было решено сообщить, что по кафедре всеобщей истории кандидатур пока нет, но “немедля приступят к обсуждению вопроса о замещении”, а пока (и на следующий год!) “постараются обеспечить преподавание средней истории (истории Средних веков. – *А.Ш.*) наличными преподавательскими силами”. Такими силами вызвались быть двое – профессор А.Н. Савин и приват-доцент Н.Г. Попов⁷¹.

Для А.Н. Савина, никогда не отличавшегося хорошим здоровьем, такое решение было серьезным вызовом судьбе. К тому же он брался вести новые курсы, что означало дополнительные усиленные занятия, в том числе знакомство с большим объемом новой литературы. Тогда как зрение нередко подводило ученого, одно время ему даже грозила слепота. А.Н. Савин с благодарностью отметил в дневнике, что верный друг С.А. Котляревский помог ему принимать экзамены у студентов по истории Средневековья. Р.Ю. Виппер в очередной раз помочь отказался.

В марте 1911 г. А.Н. Савин вместе с С.А. Котляревским и Д.Ф. Егоровым были избраны в состав комиссии совета университета, в ведение которой входило в тот момент проведение выборов руководства университета, назначенных на апрель⁷².

Накануне группа профессоров собралась на совещание-обед в ресторане “Прага”. А.Н. Савин отмечал, что настроения членов совета университета “сильно переменялось вправо”, а сам совет “из кадетского стал чем-то вроде левооктябристского”. Через несколько дней историк уточнил политический диагноз – совет стал “правооктябристским”⁷³. Произошло это после выборов. Впрочем, подчеркивал ученый, “эти термины плохо выражают профессорскую психологию, ибо университет или вернее, профессорский мир, довольно далек от политики”. Это не помешало ему отметить, что ранее составлявшие “центр” в совете (Д.Ф. Егоров, С.А. Котляревский и сам А.Н. Савин) “ходом событий превращены в левое крыло”.

Однако на выборах выяснилось, что намеченные ранее профессурой кандидатуры не прошли. Неожиданно для Савина выбирают в ректоры М.К. Любавского, накануне заверявшего собравшихся в “Праге”, что он от баллотировки отказывается⁷⁴. Впрочем, далеко не все в совете оказались согласны с этой кандидатурой и голоса распределились так: 38 против 25. Вывод А.Н. Савина был неутешителен: “Февральская катастрофа провела глубочайшую борозду в истории совета. Ушедшие в отставку совершили огромную политическую ошибку. Ушедшие думали, что уходом они спасут автономию”, а вместо этого объективно “облегчили правительству его задачу” и “напугали профессоров, прежде всего жаждущих покоя, и отбросили их далеко направо”⁷⁵. Понятно, что к этой последней категории историк себя не относил.

А.Н. Савин нередко совершал поступки, которые даже окружающим казались излишне “компромиссными”, а некоторым его биографам – даже отступом “вправо”⁷⁶. Однако, здесь скорее можно предложить другое объяснение, ссылаясь на запись в дневнике самого историка. «Я наблюдаю с интересом, с напряженным любопытством. Но мой девиз: “Nil admirari”»⁷⁷. Когда после прошедших выборов ученый отправляется вместе с “новой властью” все в ту же “Прагу”, он идет “из любопытства, узнать настроения и манеры этого кружка”. При этом он признавался, что быть среди этих людей ему трудно⁷⁸. Почему? Прежде всего из-за того, что решения теперь принимались келейно, за спиной профессорской корпорации, да и сами решения не делают чести. Так вскоре выяснилось, что не информировав А.Н. Савина, ректор М.К. Любавский пригласил историка А.А. Васильева баллотироваться на кафедру всеобщей истории. Другое “коварство” нового ректора заключалось в том, что Савину фактически навя-

зывалась должность ординарного профессора (вместо Д.М. Петрушевского), в противном случае ее намеревались предоставить кому-то другому из числа экстраординарных профессоров. Все вместе взятое, с одной стороны, окончательно закрывало пути для возвращения Д.М. Петрушевского в университет, а с другой – вносило разлад в отношения ушедших и остававшихся. Однако А.Н. Савин открыто предупредил ректора, что прежде, чем дать ответ, он намерен был посоветоваться с подавшим в отставку коллегой⁷⁹.

Вся эта ситуация еще раз убедила А.Н. Савина в правоте принятого решения. Ситуация с Выборгским воззванием, по его мнению, ничему не научила профессоров, “мечтавших одолеть министерство в университетском вопросе”. Действительно, для человека скептического склада, каким был историк, всякие “мечтания”, особенно на политические темы, выглядели донельзя наивными и бессмысленными. Более того, историк допускал, что правительство сознательно спровоцировало ситуацию с отставкой и тем самым смогло осуществить “чистку” (термин Савина!) вузов. Печальный опыт его друга, С.А. Котляревского, подвергнутого тюремному заключению за участие в выборгских событиях, должен был дать историку хорошую пищу для размышлений.

При этом, судя по записям дневника, скепсис изменял самому Савину, как только речь заходила о Д.М. Петрушевском, за судьбу которого историк сильно переживал. И если сам Петрушевский был убежден, что ему нет возврата в университет, то у Савина долго оставалась надежда на благополучный исход этого дела. При этом возвращение уволенного коллеги на кафедру он напрямую связывал с устойчивостью положения министра просвещения Л.А. Кассо. Именно об этом он размышлял, узнав об убийстве П.А. Столыпина, чьим ставленником он считал министра, вновь и вновь записывал в дневнике слухи о скорой его отставке осенью 1911 г. А.Н. Савин писал: “Моя заветная мечта – увидеть возвращение Петрушевского”⁸⁰. Историк, видимо, подспудно стремился снять с себя нравственный груз от несостоявшегося поступка, которого в свое время от него многие ожидали. С другой стороны, исполнение этой “мечты” давало ему возможность с чистой совестью принять должность ординарного профессора, занять которую он все же дал согласие весной 1911 г.

Но в феврале 1912 г. из министерства был получен отрицательный ответ – перевод в ординарные А.Н. Савина был найден “несвоевременным”. В дневнике историк записал: “Я хорошо по-

нимаю, почему министерство против моего назначения – надо наказать фрондера, который не исполнил министерского желания”. Действительно, он так и не назвал факультету кандидата на вакантную должность на кафедре. Впрочем, “наказать” историка, по его собственному мнению, можно назначением ординарным профессором кого-либо из его младших сослуживцев, но министерство на эту меру не решалось. В то же время, в Москве подходящего на место ординарного профессора медиевиста тоже не было⁸¹. В эти месяцы историк записал: «Потомки будут удивляться нашему долготерпению. У нас оправдание одно: раньше бывало еще хуже. Наши университетские предки были еще терпимее. Правда, у них не было еще ни “конституции”, ни “автономии”»⁸².

При всем своем скепсисе А.Н. Савин оставался весьма активным участником университетских реформ, касалось ли это вопроса об организации философского отделения на факультете, оплаты труда приват-доцентов или создания комиссии университета по хозяйственным вопросам. Историк не просто участвовал в обсуждениях, но предлагал свои варианты проектов, настаивал на особом мнении и новых ходатайствах⁸³. Он даже решился выступить с речью на одном из профессорских банкетов, чтобы “громко заявить о возвращении ушедших”. Правда делал он это, по собственному признанию, весьма “политично”, произнося “неискренние и отчасти даже противные слова о служении университету, о забвении прошлого и всеобщем примирении”. Тактика историка заключалась в том, чтобы, с одной стороны, усыпить бдительность “черных” (т.е. черносотенных) профессоров, а с другой – закончить войну с “теперешними господами университетского положения”. Только тогда, через взаимное примирение и восстановление хотя бы видимости единства университетской корпорации, по мнению историка, может быть реализована задача возвращения “ушедших” в 1911 г.⁸⁴ Эта тема поднималась среди преподавателей университета, близких по своим воззрениям к А.Н. Савину, еще не раз. Наконец было решено в узком кругу обсудить вопрос о “возвращении трех М” (Мануйлов, Мензбир, Минаков). Большинство признали такое возвращение невозможным, поскольку старые профессора не все согласятся подписать обращение к министру, а вновь назначенные (министром, а не выбранные советом) будут против, боясь потерять место. Собравшимся оставалось лишь признать правоту Д.Н. Егорова, который верно подметил: если ушедшие вернуться на волне политических перемен, а не с помощью коллег, то “будут видеть в оставшихся

если не врагов, то презренных и трусливых себялюбцев”⁸⁵. Оставшимся не получалось оправдаться ни в собственных глазах, ни в глазах ушедших. А ведь еще было студенчество, вовсе не единое в своих воззрениях, и общественное мнение.

Проявлением политических симпатий по тем временам считалось и посещение (или не посещение) разных мероприятий, от похорон известных лиц до банкетов и домашних посиделок. А.Н. Савин был в числе немногих профессоров, кто решился в октябре 1913 г. прийти на банкет по случаю юбилея крупной либеральной газеты “Русские Ведомости”. Однако празднество было сорвано полицией, сначала воспрепятствовавшей говорить речи и зачитывать телеграммы, а потом и вовсе велевшей участникам расходиться. Вместе с тем, единственный из “левых” профессоров, он присутствовал на праздновании Татьянинного дня в 1913 г., объясняя это тем, что ему было “интересно” сопоставить свои впечатления от празднества 1910 г. “Одно из сильных, но и неприятных впечатлений в моем опыте”, – вынужденно констатировал профессор⁷⁵. Ведь те, кого «зовут теперь “левыми”, это только всего приличные, порядочные люди, сохранившие искру привязанности к университетской автономии, искру чуткости к достоинству московского университета». Позже он опечалится тем, что новый совет университета почти забудет отметить столетие смерти Т.Н. Грановского подобающей речью. К нему обратится М.К. Любавский с предложением о выступлении всего за два часа до начала, и Савин посчитает себя обязанным ее произнести, ведь “не сказать ничего в такой день было бы стыдно”⁸⁷. Несмотря на то что в эти годы в дневнике историка нередко проскальзывали замечания, что он “вовсе не занимается политикой”, рассуждения о ней присутствовали постоянно.

Историк, что видно по его дневниковым записям, не пропускал заседаний университетских советов. Голосуя за то или иное решение, А.Н. Савин постоянно определял свою позицию. Жизнь в университете и за его пределами заставляла его высказываться все с большей определенностью. Собственно, все подталкивало к этому, даже тот исторический материал, к изучению которого А.Н. Савин готовил своих студентов в университете и на Высших женских курсах. Профессиональные занятия английской аграрной историей весьма актуально звучали на фоне столыпинских реформ. История Французской революции XVIII в. и содержание наказов Генеральным штатам наводили на размышления о работе Государственной думы. А интерес к истории русско-герман-

ских отношений и проблемам международных отношений в целом явился закономерным следствием событий 1914 г. Интересы специалиста по Новому времени, в качестве которого он был взят на кафедру Московского университета, по вполне объективным причинам “сдвигались” все ближе к современности.

С началом Первой мировой войны скептическое отношение историка к власти в России только усилилось. Впрочем, почитателем российской монархии и ее институтов А.Н. Савин и так никогда не был. Выслушав в свое время рассказ М.М. Богословского об интересе Николая II к истории, он записал в дневнике: “Если б только в монархах достоинства частного человека находились хотя в каком-нибудь соответствии с их правительскими способностями и добродетелями!”⁸⁸

Пережив в первые годы войны период весьма сильных антигерманских настроений, что особенно заметно по характеру дневниковых записей, А.Н. Савин от всей души приветствовал формирование в обществе особенного интереса к Англии и контактам с этим государством. С одной стороны, это в полной мере отвечало настроениям самого историка, а с другой – подпитывалось несомненным влиянием П.Г. Виноградова, к взглядам и оценкам которого историк на правах ученика продолжал относиться очень внимательно. Так, в январе 1915 г. А.Н. Савин обсуждал с ним проблему перспектив взаимоотношения Англии с мусульманским миром и даже сделал конспект этой беседы⁸⁹. Эту же тему историк поднял и во время публичной лекции “Война империй и мир ислама”, которую прочитал несколько месяцев спустя⁹⁰. А.Н. Савин принял весьма деятельное участие в работе созданного в 1915 г. Общества сближения с Англией⁹¹, которое после смерти М.М. Ковалевского возглавил П.Г. Виноградов.

В период войны А.Н. Савин не только активно интересовался происходившими событиями. Он выступал с публичными лекциями, стал постоянным автором кадетской газеты “Русские ведомости”⁹². Именно на страницах этой газеты он анализировал проблему проливов, столь актуальную для российской внешней политики на протяжении XVIII–XIX вв., и критиковал внешнеполитический демарш Н.П. Милюкова⁹³. А.Н. Савин, как и большинство его единомышленников, лояльно отнесся к Февральской революции 1917 г., однако быстро разочаровался в способности Временного правительства успешно управлять государством. “У нас фактически установилось время республики, – писал он в дневнике, – и пока даже без президента. Я совершенно сво-

боден от предрассудков в политике, не боюсь решительно никаких страшных слов, но должен признаться, что очень боюсь, патриотически боюсь и болею за мою несчастную родину, над которой проделывали, проделывают и будут проделывать самые истязательские, мучительные эксперименты”⁹⁴. В марте 1917 г. А.Н. Савин и его коллега по университету и кадетской печати С.А. Котляревский ездили во Вторую артиллерийскую бригаду “беседовать с офицерами и солдатами о текущем политическом положении”. Фактически речь идет об участии ученого в партийной пропаганде кадетов среди военнослужащих. В тот раз историк говорил “об армии во Французской революции и о международном положении России”. В дневнике он отметил, что “офицеры и солдаты слушали очень внимательно и устроили нам настоящую овацию”⁹⁵. Вся эта деятельность А.Н. Савина совершенно не вяжется с мифом о “кабинетном ученом”. Более того, в дневниках коллег историк характеризуется как “государственно мыслящий” человек⁹⁶, занимающий вполне определенную и активную жизненную позицию.

Смена власти способствовала и переменам в университете, в которых ученому выпало сыграть заметную роль. На заседании совета университета 5 марта 1917 г. именно А.Н. Савин выступил с предложением вернуть тех, кто ушел в отставку в 1911 г.⁹⁷ Однако ситуация оказалась весьма болезненной и конфликтной, поскольку новое Министерство просвещения провело законопроект, по которому подлежали увольнению все ранее назначенные министерством (а не выбранные советами университетов) профессора. Так, на историко-филологическом факультете оказался лишен места М.М. Богословский, с которым А.Н. Савина связывали дружеские отношения⁹⁸. Что касается “ушедших”, то они потребовали восстановить их на прежних должностях без каких-либо дополнительных выборов. С этим ультиматумом приходилось считаться. На квартире заболевшего А.Н. Савина (простудился во время выступления перед солдатами) 19 марта состоялось собрание более 30 профессоров университета, включая ректора М.К. Любавского, на котором решался вопрос о выборах делегатов в комитет возрождавшегося Академического союза. И, главный, вероятно, на тот момент другой вопрос – как отнестись к требованиям “отставленных” в 1911 г. Спустя месяц А.Н. Савин участвовал во встречах с теми, кто решил вернуться в университет. И если первое собрание прошло “мирно”⁹⁹, то второе собрание, проводившееся в доме у историка, его явно разоча-

ровало непримиримостью позиции вернувшихся профессоров, их тоном превосходства. К великому сожалению А.Н. Савина, в университете вновь преобладали “мелкие счета и расчеты в те дни, когда мы объаты вихрем красных и черных катастроф”¹⁰⁰. В новой университетской администрации, выборы которой проходили в апреле–мае 1917 г., историк стал одним из членов специальной комиссии совета университета, которой предстояло решать вопросы о “допуске” студентов к университетским делам, определяться с полномочиями приват-доцентов, вести переговоры с младшими преподавателями и т.д.¹⁰¹. И опять именно на квартире А.Н. Савина в начале мая 1917 г. проходило собрание группы “левой” профессуры, согласовавшей кандидатуры на место помощника ректора и проректора¹⁰².

По сохранившимся материалам дневниковых записей учебного отчетливо видно, что период 1910–1911 гг. и 1917 г. – это время его наибольшей общественно-политической активности. Первый – связан с обсуждением и борьбой против нового устава и защитой университетской автономии, второй – осознанием возможности реальных изменений в университетской жизни, равно как и в жизни страны. Но и в другие годы А.Н. Савин никогда не оказывался в стороне от политики, высказывая свою точку зрения или на страницах газет, или в совете университета и кругу друзей.

Летом-осенью 1917 г. перемены в России нарастали стремительно, менялось и руководство университета. Активное участие в делах университета, равно как и умение идти на компромисс, – все это делало историка фигурой, достойной доверия коллег. 30 сентября 1917 г. А.Н. Савин был избран проректором Московского университета 36 голосами против 21¹⁰³. Такое голосование отражало новый расклад сил. Совет университета, по мнению историка, стал в это время “кадетообразен, но ведь кадеты самая правая из надпольных партий, а скоро и они могут уйти в подполье, начать подвергаться арестам и казням”¹⁰⁴. Хорошо зная историю английской и французской революций, А.Н. Савин точно предвидел грядущий ход событий. Наступал советский период в отечественной истории и новый этап в жизни ученого.

¹ Так, например, на протяжении долгого времени не звучало имя известного в свое время медиевиста А.С. Вязигина, поскольку тот был убежденным монархистом. См. подробнее: *Каплин А.Д., Степанов А.Д.* “Только вера дает силу жить”: Андрей Сергеевич Вязигин (1867–1919) // *Воинство святого Георгия: Жизнеописания русских монархистов начала XX века.* / сост. и ред.

- А.Д. Степанов, А.А. Иванов. СПб., 2006. С. 339–368. Наиболее известные труды А.С. Вязигина: *Вязигин А.С. Григорий VII, его жизнь и общественная деятельность*. СПб., 1891; *Он же*. Распадение преобразовательной партии при папе Александре II. Харьков, 1897; *Он же*. Экономические воззрения Фомы Аквинского. СПб., 1899; *Он же*. Идеалы Божьего царства и монархия Карла Великого. СПб., 1912; *Он же*. Манифест созидательного национализма. М., 2008.
- ² НИОР РГБ. Ф. 263. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 1.
- ³ Памяти Александра Николаевича Савина. 1873–1923: Сборник статей. М., 1926 (Труды Института истории; Вып. 1). Статьи Д.М. Петрушевского и учеников – В.М. Лавровского, Е.А. Косминского и С.Д. Сказкина, Н.М. Дружинина.
- ⁴ *Егоров Д., Кареев Н.* Памяти А.Н. Савина // *Анналы*. 1923. № 3. С. 220–227; *Готье Ю.В.* Александр Николаевич Савин: (Студенческие воспоминания) // *Голос минувшего*. 1923. № 2. С. 183–187.
- ⁵ *Покровский М.Н.* Профессор А.Н. Савин // *Тр. Института красной профессуры за 1921–1922 гг.* М., 1923.
- ⁶ *Косминский Е.А.* Исследования А.Н. Савина по истории Англии // *Памяти Александра Николаевича Савина ...* С. 41.
- ⁷ См., например: *Косминский Е.А.* Изучение истории западного средневековья: (Работы русских дореволюционных и советских историков) // *Вестн. АН СССР*. 1945. № 10–11. Перездано: *Косминский Е.А.* Проблемы английского феодализма и историографии средних веков: Сборник статей. М., 1963.
- ⁸ Архив РАН. Ф. 457. Оп. 1а. Д. 36; *Сказкин С.Д.* Александр Николаевич Савин // *Исторический журнал*. 1944. № 7–8. С. 39–42.
- ⁹ См. *Шарова А.В.* Историк средневековой Англии в советской России: компромиссы академика Е.А. Косминского // *Одиссей: Человек в истории*. 2003. С. 285–286.
- ¹⁰ *Балалаева Н.М.* Проблемы аграрной истории Англии XVI в. и их освещение в трудах А.Н. Савина: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / МГПИ им. Ленина. М., 1952.
- ¹¹ См.: *Глебов А.Г.* Некоторые методологические аспекты работ А.Н. Савина по аграрной истории Англии // *Вопросы отечественной и всеобщей истории в трудах русских историков XIX – начала XX века*. Воронеж, 1983. С. 85–94; *Могильницкий Б.Г.* К вопросу о методологических основах взглядов А.Н. Савина // *Средние века*. М., 1959. Вып. 16. С. 102–124; *Нарзикулов И.* Английский манор XVI–XVII вв. в трудах А.Н. Савина и современное состояние проблемы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Киев. гос. университет. Киев, 1967; *Виноградова М.В.* Кто такие “последние вилланы” в Англии XVI в.? // *Средние века*. М., 2001. Вып. 62. С. 84–95.
- ¹² *Косминский Е.А.* Исследования А.Н. Савина по истории Англии // *Памяти Александра Николаевича Савина ...* С. 41.
- ¹³ См.: *Далин В.М.* А.Н. Савин: “Nil admirari”: (Дневник историка) // *Исторические этюды о Французской революции: Памяти В.М. Далина*. М., 1998. С. 31–69; *Шарова А.В.* Университетское сообщество и власть в начале XX века: (По материалам дневниковых записей А.Н. Савина) // *Вестн. РГГУ. Сер. “Исторические науки. Всеобщая история”*. М., 2010. № 18 (61). С. 270–287. В.М. Далин говорил о том, что существовали две машинописные копии дневников А.Н. Савина, которые он вел с 1908 по 1917 г., у С.Д. Сказкина и В.М. Лавровского. Однако есть еще третья – в фонде Е.А. Косминского. Всего –

687 страниц машинописного текста. См. Архив РАН. Ф. 1514. Оп. 2. Д. 103а. Заголовок дела “А.Н. Савин. Университетские дела. Дневник 1908–1912”. Документ представляет собой машинописную копию с дарственной надписью “Глубокоуважаемому и дорогому Евгению Алексеевичу Косминскому от любящих его Е. Гнесиной, В.М. Лавровского, С.Д. Сказкина 25 марта 1957 г.”. Е.А. Косминский, в фонде которого хранится эта копия, добавил к дневнику стихотворения университетского товарища А.П. Рудакова 1908–1909 гг.

Часть дневниковых записей ученого (с 12 января 1914 г. по 4 сентября 1917 г.) была опубликована В.Ф. Молчановым по материалам, хранящимся в фонде А.Н. Савина в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (См.: *А.Н. Савин. Дневниковые записи 1914–1917 гг.* / публ. и примеч. В.Ф. Молчанова // Зап. отдела рукописей / Рос. гос. б-ка; отв. ред. вып. В.И. Лосев, А.П. Вихрян. М., 2004. Вып. 52. С. 179–257).

Автор выражает искреннюю благодарность сотрудникам НИОР РГБ за возможность ознакомиться с этим материалом.

При ссылке на текст неопубликованных частей дневников А.Н. Савина я ссылаюсь на дату, под которой сделана запись, а не на лист документа.

¹⁴ В архивных документах нередко фамилия пишется как Саввин.

¹⁵ См.: Аттестат Николая Савина // ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 64. Д. 366. С. 10–11 об.

¹⁶ *Егоров Д.Н.* А.Н. Савин // *Анналы.* 1923. № 3. С. 220.

¹⁷ *Готье Ю.В.* Указ. соч. С. 183–184.

¹⁸ *Шлиппе Ф.А.* Автобиографические записки. 1914–1946 // Российский архив: История отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., Вып. 17. 2008. С. 39.

¹⁹ В тексте источника, скорее всего, опечатка, так как значатся “братья Савинковы” и дана сноска на Б.В. Савинкова, который учился в Варшаве, а потом в Санкт-Петербурге, и к калужскому землячеству никакого отношения не имел. *Шлиппе Ф.А.* Указ. соч. С. 40. Автор выражает искреннюю благодарность директору “Мемориального музея-квартиры имени Елены Фабиановны Гнесиной” (НММКЕЛФГ) – В.В. Тропцу за информацию об этом источнике.

²⁰ В фонде ученого сохранились достаточно подробные записи этих дискуссий, которые делал А.Н. Савин с его нередко весьма выразительными портретными зарисовками и характеристиками // НИОР РГБ. Ф. 465. К. 31. Ед. хр. 1.

²¹ НММКЕЛФГ. Инв. № 823.

²² НИОР РГБ. Ф. 465. К. 12. Ед. хр. 91. Л. 1–5 об.

²³ *Риттих М.* О наставнике и друге // Елена Фабиановна Гнесина: Воспоминания современников. М., 2003. С. 23.

²⁴ *Луначарский А.В.* Воспоминания из революционного прошлого // Луначарский А.В. Силуэты. М., 1965. С. 437.

²⁵ Цит. по: Елена Фабиановна Гнесина... С. 24.

²⁶ Там же. С. 302.

²⁷ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 64. Д. 366. Л. 43–43 об.

²⁸ Елена Фабиановна Гнесина ... С. 23.

²⁹ *Егоров Д.* Указ. соч. С. 223.

³⁰ Елена Фабиановна Гнесина... С. 303.

³¹ На сегодняшний день сохранились стихотворения историка за 1915–1922 гг., записанные в двух клеенчатых тетрадах. При этом большая часть из почти сотни произведений относится ко времени 1915–1917 гг. А.Н. Савин скрупулезно помечал, когда и где рождалось стихотворение, однако, создав текст,

- видимо, к нему не возвращался, так как следов доработки и исправлений в тетрадах практически не встречается. НММКЕЛФГ. Инв. № X-10(1–3). О поэтических произведениях А.Н. Савина см.: Шарова А.В. Историк и ... поэт: Революционная эпоха в прозе и поэзии Александра Николаевича Савина // Личность в переломную эпоху. М., (в печати)
- ³² О студенческих годах историка проникновенно написал Ю.В. Готье (см.: Готье Ю.В. Александр Николаевич Савин: (Студенческие воспоминания)...), о коллеге по университету – Д.Н. Егоров (см. Егоров Д.Н. А.Н. Савин // Анализы. 1923. № 3. С. 220–224). Об учителе с пиететом писали С.Д. Сказкин, Е.А. Косминский, В.М. Лавровский (см.: Памяти Александра Николаевича Савина. 1873–1923...). Об одном из учеников А.Н. Савина – С.В. Фрязинове см. Воробьева И.Г., Кузнецов А.А. Историк Запада в российском провинциальном вузе: Сергей Васильевич Фрязинов (1891–1971) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2011. Вып. 36. С. 377–403.
- ³³ Готье Ю.В. Указ. соч. С. 184.
- ³⁴ Об особой роли семинаров как школообразующих практик см.: Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века: Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск, 2010. С. 228–242; о роли семинаров по всеобщей истории П.Г. Виноградова см. Антощенко А.В. Учитель и ученик: В.И. Герье и П.Г. Виноградов (к вопросу о московской исторической школе) // История идей и воспитание историй: Владимир Иванович Герье. М., 2008. С. 105–117.
- ³⁵ Готье Ю.В. Указ. соч. С. 185
- ³⁶ Савин А.Н. Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903. С. III–IV.
- ³⁷ Много лет спустя, один из участников этого научного кружка и близкий товарищ А.Н. Савина напишет о русском философе. См.: Котляревский С.А. Миросозерцание князя С.Н. Трубецкого // Вопросы философии и психологии. 1916. Кн. 131.
- ³⁸ НИОР РГБ. Ф. 263. К. 30. Ед. хр. 54/а-б. Л. 2.
- ³⁹ Иоганн Генрих Тюнен – немецкий экономист, чьи теоретические труды по экономике сельского хозяйства пользовались достаточной известностью, в частности, его теория дифференциальной ренты на основе трудовой стоимости. Некоторые положения своей теории он даже попытался воплотить на практике в своем хозяйстве. “Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономике” И.Г. Тюнена частично было переведено на русский язык М. Волковым в 1857 г.
- ⁴⁰ Егоров Д.Н. Указ. соч. С. 221.
- ⁴¹ Кузнецов К.А. К характеристике исторической школы юристов. Одесса, 1914.
- ⁴² НИОР РГБ. Ф. 263. К. 7. 14 октября 1913 г.
- ⁴³ См.: Могильницкий Б.Г. Проблемы истории религии в трудах А.Н. Савина // Тр. Томского ун-та. Томск, 1963. Т. 165. С. 119–136.
- ⁴⁴ НИОР РГБ. Ф. 263. К. 7. 4 октября 1912 г.
- ⁴⁵ Там же. 2 сентября. 1908 г.
- ⁴⁶ См. об этом: Шарова А.В. Университетское сообщество и власть в начале XX века: (По материалам дневниковых записей А.Н. Савина) // Вестн. РГГУ. Сер. “Исторические науки. Всеобщая история”. М., 2010. № 18. С. 270–287.
- ⁴⁷ Подробнее об этом вопросе см.: Антощенко А.В. П.Г. Виноградов: долгое возвращение в *alma mater* // Мир историка: историографический сборник. Омск, 2009. Вып 5. С. 188–190.

- ⁴⁸ НИОР РГБ. Ф. 263. К. 7. Л. 1 (“Заметки о моих выборах”).
- ⁴⁹ Там же. Л. 3–4.
- ⁵⁰ Там же. Л. 5.
- ⁵¹ См.: *Томсинов В.А.* Сергей Андреевич Котляревский (1873–1939) // Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества: В 2 т. М., 2007. Т. 2. С. 364–413.
- ⁵² НИОР РГБ. Ф. 263. К. 7. 8 февраля 1909 г.
- ⁵³ Там же. 1 сентября 1908 г.
- ⁵⁴ Там же. 25 ноября 1908 г.
- ⁵⁵ Там же. 15 декабря 1908 г.
- ⁵⁶ Именно так об историках отозвался декан факультета М.К. Любавский. (Там же. 22 марта – 5 апреля 1909 г.).
- ⁵⁷ Там же. 26 февраля 1909 г.
- ⁵⁸ Там же. 30 сентября 1908 г.
- ⁵⁹ Там же. 30 января 1910 г.
- ⁶⁰ Там же. 2/3 февраля 2 часа ночи 1911 г.
- ⁶¹ Там же. 4 февраля 1911 г.
- ⁶² Там же. Вечер 4-го февраля 1911 г.
- ⁶³ Там же. Вечер 5-го февраля 1911 г.
- ⁶⁴ Там же 6 февраля 1911 г.
- ⁶⁵ Там же 12 февраля 1911 г.
- ⁶⁶ Там же. 12 марта 1911 г., 17 ноября 1912 г.
- ⁶⁷ Там же. 29 августа 1913 г.
- ⁶⁸ Там же. 5 мая 1913 г. П.Н. Сакулин был одним из подавших в отставку в 1911 г. Что касается книги, то это, скорее всего его работа “Из истории русского идеализма: Кн. В.Ф. Одоевский. Мыслитель-писатель” (т. I, ч. 1 и 2. М., 1913).
- ⁶⁹ Там же. 7 марта 1911 г.
- ⁷⁰ Весь разговор А.Н. Савина с коллегой “оказался недоразумением”. Ученый записал в дневнике: “Виппер достиг поразительной и чистой резиньяции, с высоты или низости которой он и сохранит мимо несущийся поток явлений. Мы переходим к невинным темам, к коллоквиумам и учительским экзаменам и кончаем замечаниями об электрических лампах Осрам. Как грустно! О срам!” (Там же. 19 апреля 1911 г.)
- ⁷¹ Там же. 22 апреля 1911 г.
- ⁷² Там же. 26 марта 1911 г.
- ⁷³ Там же. 22 апреля, 30 апреля 1911 г.
- ⁷⁴ Оценка деятельности М.К. Любавского на посту ректора Московского университета весьма серьезно разнится не только в мемуарах современников, но и историков. См.: *Ермолаев Ю.Н.* Ректор Московского университета М.К. Любавский // Академик М.К. Любавский и Московский университет. М., 2005.
- ⁷⁵ НИОР РГБ. Ф.263.К.7. 30 апреля 1911 г.
- ⁷⁶ *Далин В.М.* А.Н. Савин ...С. 55; *Балалаева Н.М.* Проблемы... С. 7.
- ⁷⁷ *Савин А.Н.* Дневниковые записи... С. 194.
- ⁷⁸ НИОР РГБ. Ф. 263. К. 7. 30 апреля 1911 г.
- ⁷⁹ Там же. 20 мая, 22 мая 1911 г.
- ⁸⁰ Там же. 5 октября 1911 г.
- ⁸¹ Там же. 7 февраля 1912 г.
- ⁸² Там же. 2 марта 1912 г.
- ⁸³ Там же. 13 марта и 17 апреля 1912 г., 7 декабря 1913 г.

- ⁸⁴ Там же. 29 апреля 1912 г.
- ⁸⁵ Там же. 9 декабря 1912 г.
- ⁸⁶ Там же. 12 января 1913 г.
- ⁸⁷ Там же. 7 апреля, 9 марта 1913 г.
- ⁸⁸ Там же. 26 марта 1913 г.
- ⁸⁹ Там же. К. 31. Ед. хр. 7. Л. 1–1 об.
- ⁹⁰ Савин А.Н. Война империй и мир ислама: Публичная лекция. М., 1915.
- ⁹¹ См.: Россия и Англия: Речи, произнесенные на торжественном открытии Общества сближения с Англией в Москве, 22 мая 1915 г. / под ред. и с предисл. А.К. Дживелегова. М., 1915.
- ⁹² В мае 1917 г. историк записал в дневнике: «Я кажется становлюсь газетчиком. Сегодня был на редакционном совещании в “Русских Ведомостях» (НИОР РГБ. Ф. 263. К. 7. 10 мая 1917 г.)
- ⁹³ Савин А.Н. Проливы // Русские ведомости. 1917. 14 мая.
- ⁹⁴ Савин А.Н. Дневниковые записи ... С. 229–230.
- ⁹⁵ Савин А.Н. Дневниковые записи 1914–1917 гг / публ. и примеч. В.Ф. Молчанова // Зап. отдела рукописей / РГБ; М., 2004. Вып. 52. С. 234.
- ⁹⁶ Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997. С. 40.
- ⁹⁷ Богословский М.М. Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного Исторического музея. М., 2011. С. 320.
- ⁹⁸ Там же. С. 323–325; 340–341. “Очень жаль Богословского”, – записывал в дневнике А.Н. Савин 12 марта 1917 г.
- ⁹⁹ НИОР РГБ. Ф. 263. К. 7. 16 апреля 1917 г.
- ¹⁰⁰ Там же. 22 апреля 1917 г.
- ¹⁰¹ Там же. 1 марта, 24–25 мая 1917 г.
- ¹⁰² Там же, 10 мая, 20 мая 1917 г.
- ¹⁰³ ЦИАМ. Ф.418. Оп. 95. Д. 811.
- ¹⁰⁴ А.Н. Савин. Дневниковые записи... С. 242.